

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ „СИНТАКСИЧЕСКИХ БАЛТИЗМАХ” В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

С. М. ПРОХОРОВА

Проблема так называемых „синтаксических балтизмов” возникла как одна из проблем при ареально-типологическом изучении синтаксиса относительно небольшой переходной русско-белорусской зоны Смоленщины, заселенной в прошлом кривичами и радимичами. Естественно, что такое изучение предполагает широкий славянский и не только славянский фон.

Говоры описываемой территории (пограничные с Белоруссией 10 районов Смоленской области) и на синтаксическом уровне сформировались как переходные русско-белорусские. Предположить наличие в них так называемых „синтаксических балтизмов” нас заставило несколько факторов, в частности: 1) наличие балтизмов-гидронимов и топонимов на описываемой территории и сгущение их в районе реки Сож [Топоров, Трубачев, 1962]; 2) результаты раскопок на территории Смоленщины [Третьяков, Шмидт, 1963; Шмидт, 1970; Шмидт, 1980], исторические, этнографические и археологические работы последних лет, в частности работы В. В. Седова; 3) предположение историков о том, что славянские племена — это союзы племен, впервые высказанное Б. А. Рыбаковым в 1947 [Рыбаков, 1947, с. 97], а затем в 1952 г. [Рыбаков, 1952, с. 40–62] и в настоящее время получившее серьезное признание [Седов, 1982, с. 270]; ученые предполагают возможность вхождения в состав союзов кривичей и радимичей балтийских племен; и, наконец, 4) наличие балтизмов на других языковых уровнях — лексическом и морфологическом.

Говоря о кривичах, В. В. Седов предполагает, что „славянское население, расселившееся первоначально в бассейнах р. Великая и оз. Псковское, не выделялось какими-то специфическими особенностями. Формирование кривичей и их этнографических особенностей началось в условиях стационарной жизни уже в летописном ареале. Обычай сооружать длинные курганы зародился уже на Псковщине... По-видимому, формирование кривичей как отдельной этнографической единицы славянства началось в третьей четверти I тысячелетия н. э. на Псковщине. В их состав, помимо славян, вошло и местное финское население. Последующее

расселение кривичей в Витебско-Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, на территории днепро-двинских балтов привело к их членению на кривичей псковских и кривичей смоленско-полоцких. В результате накануне возникновения древнерусского государства кривичи не образовывали единого племенного союза (т. е. были союзы псковских и смоленско-полоцких кривичей. — С. П.)... Территориальное дробление древнерусского государства в XII в. в значительной степени соответствует ареалам летописных племен... Территория смоленских кривичей в течение XII—XIII вв. была ядром Смоленской земли, границы которой во многом совпадают с пределами коренного региона расселения этой группы кривичей” [Седов, 1982, с. 270]. Таким образом, В. В. Седов считает, что смоленско-полоцкие кривичи сложились как отдельная этнографическая группировка „там, где кривичское население смешалось с местным балтским” [Седов, 1982, с. 158]. На западе рассматриваемая группа кривичей вплотную соприкасалась с латгалами и литовцами. В. В. Седов обращает внимание на тесные контакты кривичей и латгалов [Седов, 1982, с. 158—159, 163], отмечает наличие балтских элементов в кривичских курганах [Седов, 1982, с. 162—164]; он пишет, что „ареал смоленско-полоцких кривичей в раннее время соответствует области распространения днепро-двинской культуры раннего железа. Балтские элементы в кривичских курганах VIII—XII вв. бесспорно свидетельствуют об участии дославянского этнического элемента в генезисе смоленско-полоцких кривичей. Очевидно, важнейшие культурно-племенные признаки их и обособление от псковских кривичей обусловлено славянизацией балтов — потомков носителей днепро-двинской культуры” [Седов, 1982, с. 164]. Согласно данным археологии, процесс славянизации местных балтов активно шел в XI—XII вв. Отмечается латгальское влияние, относящееся к XI в. [Седов, 1982, с. 163—164]. Вещи балтского типа отмечены археологами и на изучаемой нами территории: „узкопластинчатые височные кольца с заходящими концами найдены в круглых курганах ... в Слободе на оз. Сапшо и в Акатове. В Акатовских ... круглых курганах встречены височные кольца с расширением внизу. Остатки головного венка латгальского типа зафиксированы в круглых курганах Акатова” [Седов, 1982, с. 162].

В. В. Седов указывает, что „между кривичами и радимичами четкого рубежа в XI—XIII вв. не существовало” [Седов, 1982, с. 158]. В то же время „регион радимичей не соответствует какой-либо субстратной территории” [Седов, 1982, с. 158]. „По-видимому, — пишет В. В. Седов, — радимичами назывались потомки той группы славян, которая расселилась на Соже. Вполне понятно, что эти славяне включили в себя и местное население вследствие метисации и ассимиляции. Радимичи, как и вятичи, имели свою племенную организацию. Таким образом,

и те и другие были одновременно этнографическими общностями и племенными союзами” [Седов, 1982, с. 270]. Отмечается, что „археология пока не располагает данными для решения вопроса о месте, из которого расселились радимичи. Однако вполне определенно в материальной культуре радимичей нет западно-славянских особенностей. Единственным источником для установления района, из которого пришли славяне в Посожье, пока является гидронимика. Сопоставление водных названий радимичского ареала на Соже и других районов Средней и Восточной Европы обнаруживает сравнительно небольшой участок Верхнего Поднестровья, где имеется около двух десятков речных названий, повторяющих гидронимы Посожья. Этот участок, по-видимому, и был прежним местом обитания тех славян, которые, поселившись на Соже, стали называться радимичами” [Седов, 1982, с. 157]. В. В. Седов полагает, что переселение славян (скорее всего из области Верхнего Поднестровья) в летописный ареал радимичей произошло в VIII в. Он отмечает также, что „в радимичских курганах XI–XII вв. балтские элементы ... обнаруживаются в большем количестве, чем в других племенных ареалах. По всей вероятности, это обстоятельство объясняется несколько поздней славянизацией балтов в бассейне Сожа. А это в свою очередь, по-видимому, обусловлено сравнительно поздним расселением славян в радимичском ареале” [Седов, 1982, с. 156]. Вместе с тем В. В. Седов отмечает, что в курганах, где найдены балтские предметы, совсем не обязательно похоронены балты. Он считает, что „в XI–XII вв. славянизация днепровских балтов, по-видимому, зашла уже далеко. И славяне, и ассимилированные балты уже пользовались одинаковыми украшениями. Поэтому балтские по происхождению предметы иногда встречаются в комплексах с типично славянскими украшениями. Очевидно, процесс метисации балто-славянского населения протекал в Верхнем Поднепровье весьма активно” [Седов, 1982, с. 156].

Как показал Г. А. Хабургаев, восточнославянское языковое единство оформилось из неоднородных по происхождению компонентов [Хабургаев, 1980, с. 70–115]. И несомненно, на описываемой нами территории необходимо учитывать возможность балтизмов, появление которых предопределяется и поддерживается и более поздней историей Смоленщины, в частности ее тесными связями с Латвией.

В результате изучения синтаксиса пограничной с Белоруссией территории Смоленщины наличие балтизмов подтвердилось на уровне простого предложения. Что касается сложного предложения, то оно сформировалось в рамках восточнославянского ареала как переходный русско-белорусский тип (при сохранении отдельных общеславянских средств связи). Последнее не исключает большого количества универсальных черт в синтаксисе как славянских языков, так и балтийских, являющихся языками паратактического типа [Степанов, 1984, с. 137].

И только при формировании простого утвердительного предложения определенную роль в изучаемых говорах сыграли так называемые „синтаксические балтизмы”, особенно при формировании синтаксического поля объекта, являющегося структурно неоднородным полицентрическим полем. В центре этого поля и на его периферии балтизмы выполняют определенную семантическую и прагматическую задачу. К примеру, в объектно-целевом переходном микрополе, находящемся на периферии поля объекта и поля обстоятельства цели, в говорах Смоленщины функционирует пять типов конструкций, из которых два типа можно отнести к балтизмам. Наряду с русской конструкцией – *идти за водой, за грибами, за соседкой*, а также широко употребляющейся в славянском ареале конструкцией *идти по воду, по грибы, по соседку* (и та и другая конструкции имеют широкий круг существительных в качестве объекта), очень редко встречающейся конструкцией *идти для воды* в описываемых говорах употребляется балто-славянская новация (центр новации – Литва) *идти в грибы, в ягоды, ехать в дровы*, где предлог в соответствует литовскому предлогу *i*, а также очень старая конструкция *идти воды, молока, сена*, повсеместно распространенная в Литве и известная как Латвии, так и славянским территориям. Существование так называемых балтизмов позволяет выразить больше оттенков значений в тех микросистемах, где употребляются параллельные конструкции. К примеру, в конструкциях типа *идти воды* в качестве объекта могут выступать только вещественные существительные в значении родительного части. В описываемых говорах отмечается островок в районе р. Сож и ее притока р. Вихра, в котором известна только эта конструкция (рис. 1). Что касается балто-славянской новации *идти в грибы, в ягоды, ехать в дровы*, центр которой находится в Литве, то данная конструкция имеет добавочное процессуальное значение постепенного накопления объекта, что подтверждается параллельным функционированием в литовском языке конструкций *eiti į grybus//eiti grībantī*. Вместе с тем конструкции типа *идти в грибы* поддерживаются и на литовской и на славянской территории конструкциями со значением направления и имеют добавочное значение направления, т. е. являются полисемантическими.

Так называемые балтизмы отмечены нами и в составе полицентричного поля предиката. С их помощью в описываемых говорах можно выразить различные оттенки перфектных значений. Это и так называемый „новый перфект” (формы на *-вши, -ши*), и результативный, и посессивный перфект (формы на *-но, -то*).

Что касается поля субъекта, то оно в рассматриваемых говорах формировалось в основном по русскому типу, за исключением появления на периферии поля балто-славянской новации *Моя голова болит* (центр – Литва) (см. рис. 2).

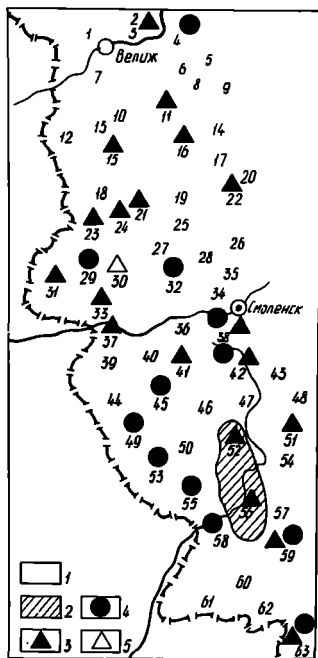

Рис. 1. Распространение конструкций *идти за водой, идти по воду, идти для воды, идти воды*. Условные обозначения: 1 – ареал распространения конструкций *идти (идуть) за водой//водою*; 2 – отсутствие конструкции *идти за водой*; 3 – ареал распространения конструкции *идти воды*; 4 – *идти по воду* (параллельно с другими конструкциями); 5 – *идти для воды* (параллельно с другими конструкциями)

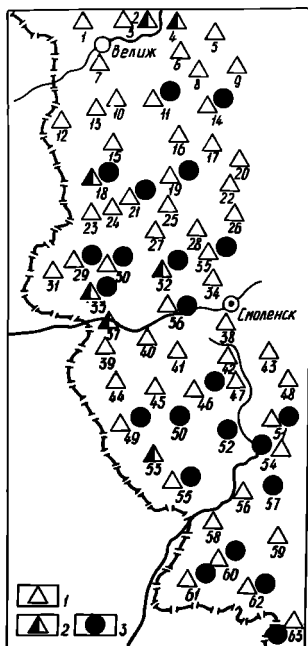

Рис. 2. Распространение конструкций *У меня голова болит, Мне голова болит, Моя голова болит*. Условные обозначения: 1 – ареал распространения конструкции *У меня голова болит*; 2 – параллельное употребление конструкции *У меня болит голова//Мне болит голова*; 3 – *Моя голова болит*

То, что можно понимать под термином „синтаксический балтизм“, само по себе явление неоднородное. На нашем материале можно выделить три типа таких явлений.

К первому типу мы относим репикетивные явления, сохранившиеся как на балтийских, так и на славянских территориях. При этом они

могли иметь на этих территориях различную судьбу и полностью не совпадать. Кроме того, такие явления могут иметь соответствия в других языках, чем и вызывается большое количество противоположных мнений ученых относительно происхождения подобных конструкций и их судьбы.

К этому типу балтизмов можно отнести наличие прямого объекта при отдельных возвратных глаголах в смоленских говорах, а также употребление уже упомянутых конструкций типа *идти воды*. Сюда же относится именительный объект при словосочетаниях *надо вода*; *жалко свой ребенок*; *жалко старик*; *жалко петух*. На исследуемой территории Смоленщины употребление именительного при *надо* и *жалко* примерно такое же, как и на латышской территории при *vajag* и *žēl*, что, очевидно, поддерживалось непосредственными контактами.

К этому же типу явлений можно отнести и сохранение в поле предиката форм на *-но* для выражения неопределенно-личных отношений: *По радио говорено, что...*; *В книге писано, что...*; *В Смоленске строено (что-либо)* и т. п. Относительно этой конструкции существует обширная литература. А. А. Шахматов считал данную конструкцию праславянской [Шахматов, 1941, с. 111]. Иногда высказывается предположение о том, что на восточнославянских территориях она является полонизмом (см. работы Т. Лер-Сплавинского, В. Дорошевского, А. Дороса), правда, при этом не учитываются данные балтийских языков. Для литовского же языка конструкции типа *kalbėta, kad...* не менее продуктивны, чем для польского (см. работы В. Амбразаса).

Как следует из изложенного, термин „балтизм” для перечисленных конструкций употребляется условно, так как основа явления может уходить в глубь веков, явление может быть известно не только балтийским и славянским языкам, а развитие получает на определенных балтийских и славянских территориях, где представлено в виде островов или островков. Представляется возможным назвать его балтизмом, так как на балтийских территориях оно выступает компактно и довольно широко¹.

Ко второму типу относятся несомненно балтизмы, т. е. явления, известные на балтийской территории и в результате контактов (или в виде субстрата) появившиеся на славянской территории; структурно и семантически они полностью совпадают с балтийскими. На Смоленщине к таким явлениям можно отнести употребление при творительном падеже в любом значении прелюга *с*: *пень порос с топором*;

¹ Приношу благодарность коллегам из Литвы и Латвии за доброжелательность, советы и помощь, оказанную мне, а также за предоставленные диалектные материалы, что позволяет уверенно ориентироваться в территориальном распространении „балтизмов”.

мазать хлеб с маслом; копать землю с лопатой; ехать с конем и т. п.

Смоленщина имеет давние и прочные связи с Латвией, особенно с Латгалией. На территории Смоленщины долгое время проживали латыши. Особенно распространены явления, общие с латышским языком, в Велижском р-не. Там же отмечен делиберативный объект при глаголе *смеяться*, как и в латышском: *смеяться про кого, что* (т. е. глагол *смеяться*, как и в латышском, попадает в поле глаголов интеллектуальной деятельности).

К третьему типу относятся балто-славянские новации широкого и узкого распространения. Выявляется центр, периферия (в частности Смоленщина – периферийная область, на которой многие явления затухают, судя по картографированному материалу). К этому типу балтизмов приложима теория волн. Часть новаций охватывает очень большие территории, центр их может находиться либо в Литве и Латвии + славянская территория, либо только в Литве и только в Латвии.

В количественном отношении такие явления в нашем материале преобладают, хотя их тоже относительно немного. Здесь возможно как полное совпадение явления, так и неполное, так как развитие новации на балтийских и славянских территориях могло протекать специфически.

К таким новациям относятся конструкции типа *смелей за брата*, *смелей как//як брат* (рис. 3, центр новации – вся балтийская территория + прилегающие славянские), *благодарить кому* (центр новации – вся балтийская территория + прилегающие славянские), *смеяться с кого* (рис. 4, центр – литовская территория), *идти в грибы* (центр – литовская территория + прилегающие славянские), *говорить на мать // говорить матери* (рис. 5, центр – часть латышской территории) и некоторые другие конструкции. Что касается конструкции типа *говорить на мать*, зафиксированной на территории Смоленщины еще В. Н. Добровольским, П. А. Расторгуевым, А. И. Ивановой и другими исследователями, она встречается реже, чем *говорить матери*, и всегда параллельно с нею (см. рис. 5). Конструкция типа *говорить на мать* известна и части белорусских говоров. Эта конструкция полностью соответствует диалектной латышской (латгальской) конструкции *runāt uz māti* (очень редко на латышской территории встречается и *runāt uz mātes*). Примеры упрощения конструкций, в которых латышский предлог *uz* соответствует русскому *на*, приводит и Я. Эндзелин [Endzeļins, 1971, с. 417]. Можно предположить, что конструкция типа *говорить на мать* могла появиться в период усиления связей латгалов с кривичами, который историки датируют X–XI вв., ее можно считать латгало-кривичской новацией.

Как следует из описанного материала, так называемые «синтаксические балтизмы» немногочисленны, но они занимают определенное место в системе изучаемых говоров, отражая их историю.

Обращает на себя внимание сгущение балтийских черт (и не только

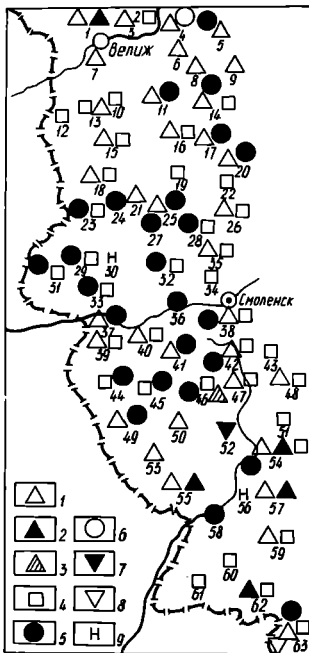

Рис. 3. Распространение конструкции при глаголе смеяться. Условные обозначения: 1 – смеяться *калá/калâ кого*; 2 – смеяться *для кого*; 3 – смеяться *около кого*; 4 – смеяться *над кем*; 5 – смеяться *с/з кого*; 6 – смеяться *про кого*; 7 – смеяться *против кого*; 8 – смеяться *для кого*; 9 – отсутствие конструкции

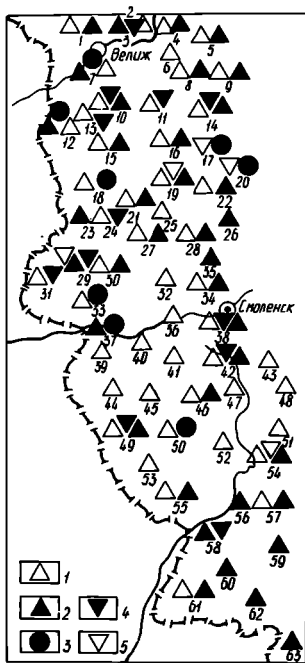

Рис. 4. Употребление конструкции при компаративе. Условные обозначения: 1 – ареал распространения конструкции *сильней за мене*; 2 – *сильней как/як я*; 3 – *сильней чым я*; 4 – *сильней чым я*; 5 – *сильней чем я*

на синтаксическом уровне) в бассейне р. Сож и ее притока р. Вихра. Как уже указывалось, В. В. Седов склонен объяснить это несколько поздней славянизацией балтов в бассейне Сожа, что, как считает В. В. Седов, обусловило позднее расселение славян в радимичском ареале [Седов, 1982, с. 156]. В пользу такого предположения говорит и то, что на этой территории присутствуют не только балтизмы II и III типа, но и I типа.

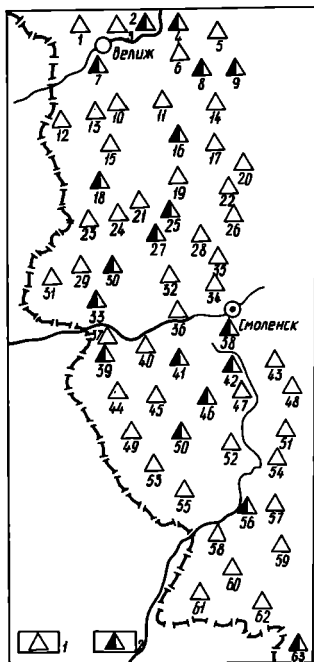

Рис. 5. Распространение конструкций *говорить матери (ему), говорить на мать (на него)*. Условные обозначения: 1 – ареал распространения конструкции *говорить кому*; 2 – параллельное употребление конструкций *говорить кому//говорить на кого*

Чисто латышских черт больше всего в Велижском р-не, хотя спорадически они встречаются на всей картографированной территории.

Исследуемая территория, говоры которой в силу исторических причин сложились как переходные русско-белорусские, представляет собой „вибрационную зону”, где, с одной стороны, сохраняются очень старые явления, а с другой – встретились волны новаций с востока и запада. С этой территории отдельные восточные новации распространились на запад и наоборот – с запада на восток.

ON THE SO-CALLED "BALTIC SYNTACTIC BORROWINGS"
OF EAST SLAVONIC DIALECTS

S. P R O K H O R O V A

Summary

The article states that syntactic constructions of the type *идти воды, идти в грибы, моя голова болит, надо вода, ехать с конем, говорить на мать*, etc. in the Smolensk dialects may have been borrowed from the Baltic languages.

ЛИТЕРАТУРА

- Рыбакоў, 1932 – Рыбакоў Б. А. Рапзімічы. – Працаы, 1932, т. 3.
Рыбаков, 1947 – Рыбаков Б. А. Поляне и северяне. – СЭ, 1947, № 6–7.
Рыбаков, 1952 – Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности. – ВИ, 1952, № 9.
Седов, 1960 – Седов В. В. К вопросу о классификации смоленских курганов. – КСИА, 1960, № 81.
Седов, 1960 – Седов В. В. Кривичи. – СА, 1960, № 1.
Седов, 1960 – Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). – М., 1960.
Седов, 1961 – Седов В. В. К исторической географии Смоленской земли. – МИСО, 1961, № 4.
Седов, 1975 – Седов В. В. Смоленская земля. – В кн.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
Седов, 1982 – Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982.
Степанов, 1984 – Степанов Ю. С. Оборот *земля пахать* и индоевропейские параллели (Балто-славянское предложение. I). – Изв. АН СССР, СЛЯ, 1984, т. 43, № 2.
Топоров, Трубачев, 1962 – Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962.
Третьяков, Шмидт, 1963 – Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. – М.–Л., 1963.
Хабургаев, 1980 – Хабургаев Г. А. Становление русского языка. – М., 1980.
Шахматов, 1941 – Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М.–Л., 1941.
Шмидт, 1970 – Шмидт Е. А. Об этническом составе населения Гнездова. – СА, 1970, № 3.
Шмидт, 1980 – Шмидт Е. А. Раскопки на Смоленщине. – АО 1979 г. М., 1980.
Endzelņš, 1971 – Endzelņš J. Darbu izlase, I. – Rīgā, 1971.

Белорусский государственный университет
им. В. И. Ленина

Кафедра русского языка

Ноябрь, 1985